

ВИШНЕВЫЙ САЙТ



Алексей
Остудин

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Алексей Остудин

Вишневый сайт

НП «Центр современной литературы»

Остудин А.

Вишневый сайт / А. Остудин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-198-0

Поэт из Казани Алексей Остудин уже не первое десятилетие радует нас своей светлой музыкой. В то время как основным трендом поэтического творчества становится «производство безразличий», стихи Остудина легки, добродушны, чувственны. Остудин поэт игрового начала, метафорист, изобретающий новые образы и слова-неологизмы. IT-технологии, интернет-жаргон, модные бренды он может сочетать с традиционными закатами и признаниями в любви. Особая неповторимая манера письма, яркость образов, всеохватность поэтического мира позволяют говорить о создании Алексеем Остудиным полноценной поэтической школы. Своим творчеством Алексей Остудин ненавязчиво учит читателя, как быть счастливым.

ISBN 978-5-91627-198-0

© Остудин А.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

| | |
|---------------------------|----|
| Мисс Доброй Надежды | 7 |
| Бла-благодать | 7 |
| Чайная церемония | 8 |
| Арагонская хота | 9 |
| Бессоница | 10 |
| Начало | 11 |
| Вишнёвый сайт | 12 |
| Долгие проводы | 13 |
| Поезд на Чаттанугу | 14 |
| Унисонные с ветром | 15 |
| Прощание в июле | 16 |
| ОРЗ | 17 |
| Водная жизнь | 18 |
| Нафталин | 19 |
| Вечерний звон | 20 |
| Второе дыхание | 21 |
| Занимательная энтомология | 22 |
| Случайная связь | 23 |
| Море пешехода | 24 |
| На закате | 25 |
| Отбой | 26 |
| Роза судана | 27 |
| Полночь | 28 |
| Блинчики | 29 |
| Измена | 30 |
| Феминистка | 31 |
| Wi-Fi | 32 |
| Отложенный сюжет | 33 |
| Антик | 34 |
| В концерте | 35 |
| Весенний шум | 36 |
| Самолётик | 37 |
| Первая любовь | 38 |
| Почайпить | 39 |
| Фенимор | 40 |
| Мисс Доброй Надежды | 41 |
| Связист | 42 |
| Лёгкость бытия | 43 |
| Жене | 44 |
| Юбилей | 45 |
| Ностальгия | 46 |
| ЖД | 47 |
| Первая смена | 48 |
| Оттепель | 49 |
| Новогоднее | 50 |
| Предчувствие | 51 |

| | |
|----------------------------|----|
| На Юшуте | 52 |
| Перпетуум мобиле | 53 |
| Если честно | 54 |
| Как в сказке | 55 |
| Е-мейл на рассвете | 56 |
| Будильник | 57 |
| Утро графомана | 58 |
| Всё отлэ | 59 |
| Клара ветров | 60 |
| Sony в летнюю ночь | 61 |
| И Юля | 62 |
| 29-е февраля | 63 |
| Разлука | 64 |
| Я иду гулять! | 65 |
| Память | 65 |
| Я иду гулять! | 66 |
| Намаз на хлеб | 67 |
| Дизель | 68 |
| Друзьям | 69 |
| Своё | 70 |
| Пацаны | 71 |
| Новинка | 72 |
| Невыносимая лёгкость бытия | 73 |
| Сизиф | 74 |
| Анестезия | 75 |
| Сладкие сны | 76 |
| Небо вокруг | 77 |
| Школьный салют | 78 |
| Я люблю тебя, жизнь | 79 |
| Несварение мира | 80 |
| Пивнуха на Каляевке 1980-й | 81 |
| Москва | 82 |
| Мораль | 83 |
| Песня Сольвейг | 84 |
| Тишина | 85 |
| Отражение | 86 |
| Когда | 87 |
| Омик | 88 |
| Оптимизм | 89 |
| Игра в кости | 90 |
| Возникновение | 91 |
| Песочная баллада | 92 |
| Урок нежности | 93 |
| Склероз | 94 |
| 38 попугаев | 95 |
| Переходный возраст | 96 |
| Черёмуха | 97 |
| Добрые сказки | 98 |
| Ночная музыка | 99 |

| | |
|-----------------------------------|-----|
| АО | 100 |
| Бескозырка | 101 |
| Призыв | 102 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 103 |

Алексей Остудин Вишневый сайт

Мисс Доброй Надежды

Бла-благодать

Разбит пятнистый сад, а так ему и надо —
засадного полка из груш и мармелада,
где не дрожит фундук, и пьяный баянист
на ниточках дождя над озером повис,

где лучезарный мёд и радуги немножко,
восходит над землёй проросшая картошка,
а плесень в погребах махровая, как моль,
отвязанный паром, забывший свой пароль,

где многорукий хор проходит мимо кассы,
где из помойных ям растут иконостасы,
на золоте едят и пьют на лебеде,
сухой сквозняк застрял капустой в бороде,

набрякли облака, пропитанные светом,
всё ладно, если бы в затылок не кастетом,
кровавый небосклон обрызгали грачи
пока закат кладёт кривые кирпичи.

Любимая, летим туда, где нет итога —
конечно, ты и есть моя частица Бога.
За это поменять мне разрешит конвой
бутылку божоле на ящик «Боже мой!»

Чайная церемония

Гроза варенье делает из слив,
по зеркалу шныряют водомерки,
приходит слон, задумчивый как лифт —
запомнил номер этажерки.

На этот час у нас припасено:
внезапны гладиолусы, как вскрики,
в прозрачном горле красное вино —
ангина, или гланды из клубники.

Я позову на чай тебя, ага?
Мне пчёлы донесли, что в чистом поле
опять прыщи от сладкого — стога,
и суслики — на галопериболе.

У города не тот ещё размах,
там свет луны, по-прежнему в загоне,
перебирает окна на домах
блестящие, как кнопки у гармони.

Арагонская хота

Выдумал мадженту кто-то, сочинил циан,
зарядил дождём кислотным ублажать Данай.
Серебро перебирая, затянул цыган:
ой да нуда нуда ная драда нуда най!

Выгребает из Тартара в жестяном ведре,
лопнуло весло гитары, упираясь в риф.
Разгоняя нескучаек, главное – не дрейфь,
просто прошлое мельчает, превращаясь в миф.

Щёлкая, дымится «Прима». Пиво у ларька.
Греет, как рука любимой, солнышко плечо.
Третье лето без Парижа, жизнь моя горька —
будто лист лавровый лижешь, вынув из харчо.

Пусть луны унылый кукиш смотрит в кошелёк,
милая, и ты прокуришь дырочку в ремне.
Всё отправится на силос, только мотылёк
знает, что тебе приснилось, что ты снишься мне.

Бессоница

Феном свободы вихры мне ласкала
или вокруг поднималась, пьяна,
хором сирен из Пуччини Ла Скала
со взбаламученной музыки дна.
Нежно подкрутишь живительный винтик —
в горле скворца пузырится любовь.
Сверху моргает на всё аналитик —
кровь на анализ ему приготовь.
Пусть рукоплещет весне занавеска,
воздух черёмухой выжжен извне,
и продолжением молнии блеска
сухо обои трещат на стене.
Милая, где нам с тобой отоспаться
если гроза за окном так близка,
и норовит проскочить между пальцев
глупая божья коровка соска?

Начало

Рассудок укорачивая лбом,
я мимо этой выпивки не промах:
мохито – сплав Титаника со льдом —
хранит весна во всех своих объемах.

Разбитый тротуар – массаж стопы,
вот плавленый сырок и водка с перцем.
Кошачий вой – порнуха для слепых,
а запах – невозможно притерпеться.

По клавишам берёзовой коры
струится сок порока и желанья:
пора на кий нанизывать шары,
чтоб вайкуле не морщилась от лайма.

...смотрю, вскипевшей нежностью смущён,
уже и сам добрее добермана,
как тянет малыша за капюшон
красивая мамаша без охраны...

Вишнёвый сайт

У сквозняка пятёрка по труду,
листают солнце бабочек в саду,
где, растолкав траву, столпились лужи.
Пора, убереги тебя Господь —
пистоны ржавым циркулем колоть,
пить молоко и двигаться упруге.

Неделю сердце скачет, как масай,
открылся и завис вишнёвый сайт,
и выставлена в форточку «спидола»,
чтобы лопух от музыки опух,
вот-вот июнь, и тополиный пух
посыпан молью крупного помола.

Ночной грозы огрызок – ля бемоль,
и хорошо, что гром не ел фасоль,
всё навевает некую истому.
Любимая, мне целоваться лень,
планету вертит цирковой тюлень,
давай, сегодня будем по-другому,

нам с вечера мерещится еда,
лежим, оголены, как провода,
вот случай проявить ещё отвагу —
я твой герой, атилла, муэдзин,
но, если соберёшься в магазин,
обижусь и пожалуюсь в Гаагу.

Долгие провода

Не говори, что время позднее,
вот верный признак потепленья —
снег, свежавывавший из поезда,
мои разбитые колени.

К чему влюблённым мудрость ворона?
Важней ушные перепонки.
Тебе за пазуху даровано
спокойствие души ребёнка:

там сохнет лук в чулке за печкой.
дверь открывается со скрипом,
печалится, что зябнут плечи,
сверчок, владеющий санскритом.

В углу шотландская волынка,
точнее – сноп из лыжных палок.
А твой герой не вяжет лыка,
в разгар свечи и ночи жалок —

он из фольги приклеил фиксу,
обиженную скорчил рожу...
Что из того, что счастье близко,
когда сейчас – мороз по коже.

Поезд на Чаттанугу

Порой таких чудес нароешь в инстаграме,
Чукотка в сентябре, какой-нибудь Прованс —
как хорошо не пить в России вечерами
компот, по три часа разглядывая вас.

Олени разбрелись по солнечному кругу,
вокруг горят снега, начищены, как медь
корнета-а-пистон в пути на Чаттанугу,
но не спешит чу-чу ломать свою комедь.

На волю из штанов не сыплются опилки,
погода не ведёт незримую войну —
дрожит локомотив, как огурец на вилке,
блестящий и проклёпанный во всю длину,

его вдохнёт тоннель, чтоб притереться вкратце —
мурлычет, словно кот, очередной перррон.
Надумал старый дуб к рябине перебраться —
пыхтит, пока щелбан не выпишет тромбон.

Возник не он один, раздухарясь без нужды.
Вон девушка едва видна сквозь лёгкий джаз —
вдруг кто-то на ходу протянет хобот дружбы,
лысеющим хвостом за поручни держась.

Унисонные с ветром

Автопилот любви планету вертит,
когда мы хорошо проводим вместе,
переживая всё, что выше смерти —
опрелость клеветы и прелесть лести.

Пора бы, наконец составив смету,
погибнуть от паденья метеора.
Затянута слегка начало света —
темно, и продолжение не скоро.

О, нам никак отделаться от тела,
ужасным мыслям никуда не деться —
они торчат повсюду словно стрелы
напавших на колонию индейцев.

Мозг – сплошь из императоров Неронов
устроивших пожар в шестой палате.
Кому мигать фонариком с перрона,
когда дождю за сумерки не платят?

А ты, моя стальная недотрога,
учи меня, чтоб вырваться из тлена,
прислушиваться чутко к кашлю Бога,
скользя иглой над дырами Вселенной.

Прощание в июле

В работе лепнина тумана,
добавь лебеду и осот —
скользить по наклонной туда нам,
вцепившись в перила пустот.
Эпоха застыла нелепо,
но ты продолжай, как привык,
стекло запотевшего лета
нести на ладонях прямых.
В покоях берёзовых просек
увидишь сквозь линзу слезы —
распорота молния в профиль
на мокрой газете грозы.
Началом июльского блуда
копи благодарность судьбе,
а та, что вернётся оттуда
подарит надежду тебе.

ОРЗ

Реальность безумна, а мифы – ничто,
приятно любимой натягивать гольфы.
Оконную раму взвалил на плечо,
но кончилась очередь в лифт на Голгофу.

Нас время, как тину, цепляет веслом
и в тёмную воду бросает циклично.
Позволь, коль приехать окажется влом,
по скайпу подёргать тебя за косички.

Апрельское утро летит под откос,
в грязи воробьи раскатились картошкой.
Ты чувствуешь криканье мокрых волос,
что вечность пригладила детской ладошкой?

Скользя в пустоту на последнем ребре,
слов нежности я не сморозил ни разу —
лови на прощанье, волшебной тебе,
охапку ромашек горящего газа.

Водная жизнь

С пяток подоткнут и, с нежностью, матом укрыт
изобретённым для крепости духа при гуннах,
выйдешь во сне на футбольное пастбище рыб,
где корабли укачала волна на трибунах:

окунь играет, освистан закат за подкат,
жить поплавку две секунды и – в прошлое канет.
Место прикормлено, зря что ли боги за так
учат согласных мальков шевелить плавниками?

Мокрый обрывок вчерашней газеты прочти —
тина жильды нашу память сживает со света.
Лифчик заброшен, губами стальные крючки —
не разогнуть, значит пойман, и песенка спета.

Бьёшь комара – так мишень попадает в снаряд,
с плеском пощёчины, пятнышком новой свободы...
В женщину рядом лежащую вперился взгляд —
вот и войди в неё, словно в кипящую воду.

Нафталин

1

До утра в тёплом шарфике молится моль,
пишет жалобу на передоз нафталина,
отыщи паука и заставить изволь
распустить на балконе свою паутину.

Насекомым противна такая война —
много дыма и химии, глухо, как в танке.
Мой сапёр – пылесосит планету жена,
и пищат, как живые, консервные банки.

2

Обязательно в облако локтем упрись,
вот и я на филфаке единственный катет,
это царство склонений и гипотенуз,
лет на двести такой геометрии хватит,

приглашаю подружек на тангенс пока —
нас с пелёнок учили – сначала налево.
Как посмертные маски, плывут облака,
и пытается стать говорящим полено.

В телевизоре корчится новый концерт —
снова море, и щёлкают клювом бакланы.
Будем жить-поживать, чтоб услышать в конце:
продолжение после короткой рекламы.

Вечерний звон

Вдоль набережной, выкатив истому,
живут скамейки дружно и светло.
Влюблённые по вечеру густому
ведут велосипеды за седло.

А ты, отзывчивый по телефону —
пролив толчёный в ступе кипятка,
примериваешь сумерек попону
и ловишь стрекозу за хоботок.

Хранят газоны воздух из вискозы,
дневного ветра пыльные мешки,
хрустят стеклом голодные стрекозы,
готовят кофе майские жуки.

Вот на тебя глядит собака праздный,
боится, что носитель языка
опасен. А на деле — не заразный,
одно сомненье, может быть — пока.

И, как сосуды головного мозга,
всё те же кракелюры на холсте —
больные тросы квантового моста
поддерживают братьев во Христе.

Пропала связь, и быть не может горше —
один стоишь на скользком сквозняке,
а мимо люди ходят, словно поршни.
И стрекоза, как лезвие в руке.

Второе дыхание

Обветренной губы болит треска,
«Аквариум», и джаз на грани фолка,
по лезвию бегущая строка,
висящая на ниточке двустволка,

и молодость, и боты в соцсетях,
больные, но живучие поэты,
зажавшие в заглавнике пустяк —
по три-четыре сотки Интернета,

в надежде, что удастся может быть,
дождавшись урожая терпеливо,
у Млечного пути перекурить,
насушенный хлеб забулькивая пивом —

гуляя Эбби роуд поперёк,
почёсывая пятку Ахиллеса,
не каждый что-то путное изрёк,
жалея остальных, идущих лесом,

где невозможно тень перешагнуть,
сороки шелестят засохшим скотчем,
опять любовь теснит младую грудь,
пора бы с ней завязывать, а впрочем...

Занимательная энтомология

На кочке проклюнулась клюква,
где ходит кулик босиком,
не всяк пострадавший от клюва
прикинется мёртвым жуком.

Опять в бакалейном отделе,
накоплены с прошлой весны
копчёные сумерки ели,
сушёные корни сосны.

Как запах корицы бесплотен,
внезапнее детской слезы
прозрачными пальцами полдень
нащупал свирель стрекозы,

уже оттопырил мизинцы,
как будто упал на шпагат.
Ты здесь, дорогая, не принца
нашла четверть века назад,

который, скатившийся в минус,
хитином скрипит на мели...
Пока насовсем не прикинусь,
булавкой меня проколи.

Случайная связь

Мы с тобою – большая компания,
будто пули в двустволке, вдвоём —
на каком этаже мироздания
лифт по кнопкам пластмассовым бьём?

Чёрный вакуум тросами клацает,
вероятность осечки – пошла.
Словно душу холодными пальцами
расцарапал, а кровь не пошла...

Море пешехода

На закате обняться вовсю не успеть,
перекошено прошлое, либо
отражается в небе цветущая степь
словно в зеркале заднего вида,

где так маково и на ромашке занят —
но качается шмель в полушубке,
раздражённо цикады друг другу звонят
и бросают гудящие трубки.

В зажигалке бензина осталось на чих,
будто время прибавило ходу —
вот опять сигареты мои промочил
чёрный дождь с этикетки штрихкода.

Звонких вёдер из яблок ещё не налив,
коньяка не пора золотая.
Разбегается чайка, малька прикурив,
и царапает воду, взлетая.

Парусиновый пляж загибается пусть
в ослепительной пене акаций.
Тут зови не зови – всё равно обернусь,
чтобы камнем с тобой не расстаться.

На закате

Ты затаилась в зарослях духов —
так прячется в меду осколок воска.
И глянцевого закат с полотен Босха
зацеловал зрачки твоих стихов.

Начнём обратный времени отсчёт.
Вселенная, как сумерки, конечна,
На пальчике твоём она — колечко,
сама в себя, бездонная, течёт.

Пусть Малую медведицу в живот
с наскоку жалит квантовая муза.
Уже закат горит ломтём арбуза —
в нём семечко торчит, как самолёт.

Осознавая кратность бытия,
я запускаю стартёр телепорта,
в твоё кольцо пролезть пытаюсь мордой,
в каких-то ста парсеках от тебя.

Отбой

Нам повернуть ещё не поздно.
И закачается в обрат
забор, разреженный как воздух,
пронырливый, как водопад.

По соснам, выжженным карболкой,
скользнём глазами за ни зги —
там, за расшатанной иглой,
двоятся циркуля круги.

Там, на неведомой орбите,
где шеи мылят впопыхах,
раскроется опасной бритвой
любовь в младенческих руках.

Здесь ощути бывшее тело
и вспомни прежний кавардак,
как нам жилось и как хотелось,
и вовсе не хотелось как.

Роза судана

Летят лепестки на ладонь, мигают на солнце и – вспых.
Бегонии беглый огонь ведётся из окон твоих.
Наверно, с утра, как и ты, из шланга вода и ботва,
с ума посходили цветы в саду, на Окольной дом два.
Ну, выпусти пар в потолок, вернёмся к началу начал.
С паршивой овцы файф-о-клок – пора замириться под чай.
Но ты, бузина, говори про дядьку, что в Караганде.
Экс-гибискус мне завари, по-русски, спитой каркаде.
Позднее споешь, без затей: Ах, роза Судана цвела... —
свободна в ночной тесноте, как пуля в канале ствола.

Полночь

Рождества будто не было прежде —
столько скоплено сил на потом.
Но морочит какая-то нежить
и бросает лягушкой под ток.
Бес тебя новизной не попутал —
воспари, прикурив от луны.
Без тебя не бывает попуток,
и стучат поезда, как ломы.
Нет в душе ни покоя, ни гнева —
заплати, не скупясь, за извоз.
Пусть любовь упирается в небо,
в бесконечные залежи звёзд —
там уже ничего не исправить.
Прозвенев по Рублёвке рублём
неожиданно врежешься в память
и останешься спать за рулём.

Блинчики

Всё кажется твоя рука мне
сигналит с катера платком.
Вода изранена о камни
и притворяется глотком.
А мне чего-то очень жалко,
как заболевшего щенка.
Бежит, подпрыгивая, галка
со спичками от коробка.
Покрышкой на цепи отмечен,
причал – терпению цена.
А вот и мать домой, под вечер,
ведёт за ухо пацана.
Бросаю камушек по глади —
а следом камушек другой.
Как будто снова я в засаде
и шлю приветы дорогой.

Измена

Засыпая, двигались след в след,
обернулась – я и был таков.
Распечатал медленный рассвет
контурные карты облаков.
Будь моей фантазией пока,
козырей старайся не сдавать.
Вот заходит из-под дурака
чёрной молью битая кровать,
сплетена из боевых пружин,
в каждом завитке таится всхлип.
Только копоть прошлого кружит —
потому очкарик снова влип.
Я с тобою медленно живу:
ночь гремит цепями фонарей.
Обижаться грех за дежавю,
будущее прошлого верней.
Город снова в белое одет,
нафталином веет из прорех.
Кончилась горчичка, твой студент
влип, и не спасает теормех.

Феминистка

Ну да, мы плохо пахнем и свирепы.
Мы – бездари, а мысли все об «этом».
Трясём повсюду чем-то вроде репы.
Как Евтушенко стал большим поэтом?

Я – грешен и, согласен, не однажды.
Теперь не занимаюсь многим всуе.
Погряз в семье. Но с девочкой отважной
стараюсь разобраться: Алилуйя!

Ну почему ты, милая, не Сольвейг,
которая любила Пера Гюнта
зачем словами лупишь, будто солью,
промеж лопаток старого пердюнга?

Не надобно упрёков в частом пьянстве,
ведь закричу: Карету мне, карету!
А может, дело вовсе не в упрямстве?
Догадываюсь, дело-то не в этом,

она лишилась девственности даром,
обычно, ноги – врозь, а руки – вместе.
От лампочки разило перегаром —
лишь это и запомнилось в подъезде.

Wi-Fi

Третий год не доступен Стив Джобс,
да и Гейтса уже маловато.
Сходит поезд с ума под откос —
где мороз разбросал стекловату.

Новый день батареейкой кислот,
вырезает дыру на колене,
отбивая охоту и ритм
замороженной пачкой пельменей.

Электрички бегут декабрём
однополые, как макароны.
Мы «расшарили» этот объём
разогнавшись на лыжах с перрона.

Ничего, что продули вничью,
дорогая, не плачь под ключицей —
я увидеться очень хочу,
но никак не могу подключиться.

Отложенный сюжет

В ливрее снега, буклях завитых,
что оставляет факельная копоть,
примчался на запятках запятых
учиться забывать тебя и помнить —

обидными предложениями обвил,
теперь послушно лезу под карету.
Тебе не нужно думать о любви —
я слишком разговорчивый про это —

она, всегда взаимна и взаимы,
духовная, но всё-таки работа —
при экстренном создании семьи
потребует публичного отчёта,

на сей момент найдётся обормот,
употребив, такая паранойя —
к диете непричастный оборот,
чтоб закавычить сказанное мною.

Попробуй позже спрятаться в озноб —
родная речь и мёртвого научит
работать поцелуй без кинопроб,
а если не заладится – озвучит.

Антик

Сияет лампой электрической
аорист новосигматический,
и, будто бог в одежде греческой,
нас освещает по-отечески:
ну как, не подавились коржиком,
Бетховены, Шопены, Дворжаки?
Всё балуетесь джазом, мужики,
за ужином – базар на суржике.
Кому мы, в нашем муравейнике,
нужны, как нифеля в кофейнике,
из базиса парашютированные,
ждём коронарного шунтирования.
Здесь, между Винтиком и Шпунтиком,
готовится анкета с пунктиком.
А я – девчонке губы банти.com
дал фору, притворившись антиком.
Пусть пыль с меня сметает кисточкой,
игриво называет кисочкой.
А повернётся, сев на корточки —
уже без лифчика под кофточкой.

В концерте

Здесь, понимающим, всё по уху,
а по глазам – смычками узкими.
Литавры гаснут. Аки посуху,
сквозь слёзы выступает музыка.

Не все взволнованно заплакали,
я, например, забрёл за самками —
перебирают, в трансе, лапками,
порезав пальчики программками.

Скрипичный ключ томится в паузе,
его не замечают зрители.
Он, в кобуре рояля – маузер,
задушенный предохранителем.

Весенний шум

Рыть огороды мается народ,
выть в схватках родовых, бряцать на стансах.
ходить в поход. Суть этого – в нюансах
разрядов грозовых, FM частот.

Прыщ на носу и тот стремится – в позу.
Трава себя же лепит из золы.
Любая мелочь вдруг приносит бользу —
крапива во дворе, укус пчелы.

В потоке ветра тёплого с залива
сквозит дыхание клейкого листка —
лови его, как бусину соска,
выслеживая вновь щекой счастливой.

Самолёттик

Погуще пыль, пожиже тёплый воздух,
дремучий вечер липами разжат.
Вселенная сдувается сквозь звёзды
со звуком засыпающих мышат.
Одна любовь не мается в заботе,
в неё перпетуум мобиле вплетён —
витают, как бумажный самолёттик
своим воздушно-капельным путём.
Отчаянье сколачивает ящик,
но обретёт устойчивость сома
из вакуума всяк сюда летящий,
кто всё-таки не выжил из ума,
из кожи, из молекулы зачатая
самой любви, читай — небытия...
чтоб в пыточной её стонать от счастья
и задыхаться воздухом ея!

Первая любовь

Весь опыт – за спиной в школьном ранце,
но почему, прозрением дразня,
простая цепь химических реакций
так тяготит и радует меня?

Что наполняет негой каждый кластер —
в шестнадцать лет звонок на перекур.
Там, где мелькнула лисья морда страсти,
пролёт огни на ёлку Байконур.

Умыт дождём, декабрь летит с катушек,
ходулен по асфальту каждый шаг.
Не притворяйся рыжей, хохотушка,
довольно загорать через дуршлаг.

За пазухой моей избыток хвои,
с губы роняет искры «Беломор».
Я, понимаешь, искренен с тобою —
зачем на рану сыплешь NaCl?

Из атомов колеблющихся соткан,
шепчу мгновенью каждому – замри.
Бьют волосы твои огнём из сопла
ракеты улетающей с Земли.

Почайпить

Выдвигай перископ самовара
над безмолвием истин букварных.
Пробуй блюдце дыханием робким,
угорая от шишек растопки.
Брось в заварку брусники немного,
угождая друзьям-педагогам,
что привычно, с упорством паучьим,
оплетут разговором, замучат.
Ночь проклёпанная фонарями
проплывает в разохшейся раме,
будто в Малом театре драма —
леса рваная кардиограмма,
где гуляет туман в шароварах —
белки пихту расшнуровали,
поднимается звёздной брагой
свет гнилушек со дна оврага,
опираясь на ив перила...
Что ты там про любовь говорила?

Фенимор

Дождинок разбежались муравьи,
оставив в бозе луж глаза воловы.
И соловей быть первым норовит,
расстреливая сумерки любовью.

Чего он там себе вообразил,
прореживая трель пунктиром терций?
Луна повисла карточкой УЗИ,
где не определился пол младенца.

Мы забрели в таверну «Фенимор»
и на веранде будем целоваться,
пока официант, как монитор,
врубается в абстракции акаций.

Торчат в углах индейские вожди,
а под ногами – клок бизоньей шкуры.
Здесь прячутся влюблённые, в дожди —
ослепшие садовые скульптуры.

Здесь Макс ещё не Фактор, наконец,
и поцелуй – бездонная трясина.
В телах перебегает стук сердец
легко, как сборщик ямса в мокалинах.

Займёмся же привычным ремеслом
дарить детей родному Татарстану!
Ты будешь верной девушкой с веслом,
а я в свой горн дудеть не перестану.

Мисс Доброй Надежды

Так – жаль мне, тебе так – удобно:
заварочный чайник – Грааль.
Налей же сквозь горлышко кобры
отчаянья горькую даль.

Будь паинькой, я же, касатик,
не Лазарем жизнь прожигал.
Поедем в кроссовках кататься
давно я тебя поджидал.

Пускай не достанется брони
в одну из осенних кают,
где сумерки сдвинули брови
и ветер пакует уют.

Замнём компромисс коромысла —
повтора не будет на бис.
Тяни сквозь соломинку смысла
недоброй надежды кумыс.

Связист

Патриархат-лукум. Икар – орут вороны.
С перрона, в Каракумы, состав неподвижной.
А я простыл в тылу, и не понёс урона
не вылез на рожон под ветер ножевой —
квадратногнездовой, и свежеиспечённый,
что твой гипсокартон на профиле небес.
Гудит на образа и кашляет о чём-то
мобильная моя, больная позарез.
Зажжённых фонарей запущенные фрезы
вылизывают март вдоль кромок и оград.
Налаживая связь с любимой до зарезу,
берёзовый покой томленьем не ограбь.
Фанерные крыла уносят с колокольни,
ты падаешь во сне уже – без кинопроб.
В наушниках – любовь, и помирать не больно,
когда вокруг Шопен и Штрауса галоп.

Лёгкость бытия

Пока в душе любовь и пантомима,
успею ли, сквозь утренний туман,
принять детали будущего зримо,
оно – оно? А не самообман?
Оно войдёт в твой дом без уважения —
натопчет так, хоть спиртом пол протри.
Вот отключить бы камеру слежения —
боюсь, вся эта радость изнутри.
Алло. Опять Вселенная на связи,
космические шорохи и треск.
Не спрашивай, откуда столько грязи —
вот почему свинья никак не съест?

Жене

Снег первобытный магмой бронзовеет,
грядущий день готовится на взлёт.
Не повезло с Везувием Помпее,
да и тебе со мною не везёт.

Подряд курю – чай в ночи гоняю,
проветриваю кухню в мороз.
В цветочные горшки твои роняю,
ошпарив пальцы, пепел с папирос.

Помазанник на трон царя Гороха,
чихнешь – он бубенцами зазвенит.
В моей груди прошедшая эпоха
гуляет, как хронический бронхит.

Распластанный на крыльях птицы-тройки,
в какой момент зевнул я, со смешком —
всех деревянных кукол перестройки
осыпал враг волшебным порошком.

Доколе нам теперь, терзаясь прошлым
неизлечимым, хоть огнём гори,
обратный путь искать по хлебным крошкам,
которые склевали снегири?

Юбилей

Оттрубила октябрьская медь
четверть века семейного блица.
Я хотел бы с тобой умереть,
только всякое может случиться.
Мы забиты, как пакля, в пазы
общей жизни – изломы, извивы.
Вот – на гнёзда растащат дрозды,
или плесень сожрёт молчаливо.
Мало ли что случится ещё?
Запасайся соломой к моменту —
захлебнись ленинградским борщом,
задохнись, просвещая студентку.
Почему, чем привычней режим
и короче его амплитуда,
тем упорней от счастья бежим
по осколкам последней посуды?

Ностальгия

Великую империю поправ —
в развале поучаствовал невольно —
по полной оторвался, как рукав,
а счастья нет – но есть покой и «volvo».

Пока свистком размахивает рак,
и лебедь не найдёт свои балетки,
и щука подо льдом тоскует, как
потерянная варежка на ветке,

не выйти из зверинца сразу вон —
дверная накосячила цепочка.
Понравится какой-нибудь смартфон,
подумаешь – прощай, вторая почка,

наверно, проще кинуться с моста,
рискуя на корягу напороться,
но остаются светлые места
от пятновыводителя на солнце,

пока воспринимаешь без помех
отчизны необъятные просторы,
где столько женских тел сосками вверх,
что постоянно тянет в эти горы.

ЖД

Луны НЛО в подстаканнике скачет
посмотришь – в окошке ночном.
За стенкой гуляют вурнарские мачо,
послушаешь – явное чмо.
«Железку» одним костылём не исправить —
по стыкам скакать обречён.
Какое купе потрясённая память,
откроет трёхгранным ключом?
Не нравится Сенежь – торопишься на Иж,
вибрируя звуком в струне.
Хоть в «скором» трящёшься, а не «догоняешь»
какие порядки в стране.
Оранжевых баб обуяла дремота —
наскучило гайки крутить.
Сосновые шпалы, глотнув креозота,
одни – поперёк на пути.
К себе пригласи, проводница Оксана,
в шинельке, пошитой с душой,
пусть чайная ложка торчит из стакана,
с присыпкой на палец большой.
Чья пена пивная гуляет по венам,
слюну превращая в слюду?
На тёплых коленках, шуршащих кримпленом,
усну, как в осеннем саду.

Первая смена

Кинза или руккола – без разницы,
с банкой из-под ветра, налегке,
пробегают сосны-одноклассницы,
проезжает гром в грузовике.
Пионерский горн таскаю с кисточкой,
а захочешь песенку спою,
как на лопухе кузнечик-выскачка
отпердолил скрипочку свою.
Я же застеснялся и забыл её.
Пену сдув на розовый поднос,
отхлебнул из рога изобилия —
поумнеть не вышло, но – подрос.
В небе пишут ласточки курсивами,
на пруду камыш, как эскимо.
Дышит в ухо девочка красивая —
не достать билетов из кино.

Оттепель

Рождество безоглядно раздарено,
на Крещение карманы – тощей.
Сколько можно хлебать мне январево
до оскомины правильных шей?

В мокрых шубах растеряны модницы,
помышляя о новом рядне.
Что-то в зимнем порядке не сходится,
словно кончились дырки в ремне.

Лёгким заморозком, ближе к полночи,
взвесью хвои толчёной со льдом
сквозь ноздрю оторвавшейся форточки
надышаться старается дом.

Потакает природа оболтусам,
лишь в цветочный киоск загляну:
глядят волосы мне гладиолусы,
и тюльпаны к щекам так и льнут.

Нужным образом выпадет денежка,
улетев, как седьмой лепесток —
без цветов не останется девушка,
приглашённая мной на каток.

Новогоднее

Принцесса неуёмная точь-в-точь,
с ожесточённым нервом вдоль спины —
на облаках ворочается ночь,
измучена горошиной луны.

Не дворник дядя Боря, а Борей
фанерный щит достал из-за угла.
И вылетает снег из фонарей,
как будто раскалённый добела.

Предновогодний кончился аврал.
И занялся дымящийся прилив,
где бомж бухой тепла подворовал,
в кармане подворотни закулив.

Запомнить что ли этот негатив —
Шлепки петард и прочей лабуды,
пропеллер на резинке накрутив,
слетать на Пионерские пруды?

Прошедшее моё – гори огнём,
выращивай графит в карандаше.
Как хорошо, любимая, вдвоём,
но невозможно стало в шалаше.

Предчувствие

Рисуи помадой гаснущей свечи
на зеркале моём узоры Шнитке,
когда луна болтается в ночи,
как пуговица на последней нитке.
Включи электрочайник сгоряча,
быть будто вместе выдумать пора нам —
так алкоголик в поисках ключа,
теряя память, шарит по карманам.
Мне хорошо сегодня, как вдвоём:
ни засухи, ни грозových агоний.
Погашен, но пока не растворён,
ноябрь горелой спичкой в самогоне.
Шатаются влюблённые взасос —
кто им подстелет маковой соломки?
А я опять, предчувствуя мороз —
не высыпаюсь солью из солонки.

На Юшуте

Ты помнишь укусы осоки,
ночное купание «ню»,
уху на берёзовом соке —
застрявшую в ней головню?

Фонарь, мошкаркою залапан,
дрожал погремушкой слепых.
Дышали на ландыши ладан
в купели колец годовых.

На лапнике – тел гуттаперча
бугрилась и падала в темь,
и не было клятвы о вечной.
И не было речи совсем.

Вздыхал в можжевельнике кто-то,
свистел воровски на плоту.
И не было всяких колготок
и вкуса помады во рту.

Перпетуум мобиле

Спотыкаясь на стыках, трамвай дребезжит,
пассажиров невеселы лица.
У тебя на ресницах снежинка лежит
и растаять от счастья боится.

Пробираюсь с трудом мимо шапок и лыж.
В окнах столько овалов надышанно.
Ты одна, моя радость, бровями паришь
и зрачками мерцаешь возвышенно.

В этой жизни облыжной покой твоих глаз
принимаю, как премию Нобеля.
Шестерёнки снежинок вращает для нас
снегопада перпетуум мобиле.

Если честно

Мальки маршируют в колхозном пруду,
им ставит пятёрки карась по труду.
А в поле – бардак, палы-ёлы ,
на тройку справляются пчёлы.
Вот так за любовь мою, сварена тупо,
дымится тарелка с гороховым супом
намёком таким, дескать ты для дел
не создан, прикинулся, выглядел.
Пади на колени, целуй виновато
замызганный пол, словно полы аббата.
Прогоним во двор к сентябрю.
А я – вот уж хрен – говорю,
вы что-то напутали, эта квартира —
ничтожная часть мной открытого мира.
Всегда в облаках в самом деле я,
витаю, потому что – из гелия.

Как в сказке

Помню ночь, обведённую мелом,
и молочных зубов корпуса,
как прекрасная женщина пела,
обречённо смотрела в глаза.

Я же гладил её сереброви,
в новостройках любви бестолков,
думал – сорок квартир в этом доме,
на двенадцать Латышских стрелков.

Снова утра размокшее мыло,
обозначенный дюжиной дом:
Белоснежка, зашедшему с тыла
открывай – разрази тебя гном!

Дай на кухоньке чаем надраться
наблюдающих блюдца среди,
постарайся в халате остаться,
если нет – навсегда пропади.

Расскажи, кто вынашивал Прада
и гасил над кроватью свечу —
мне выкладывай голую правду,
только знать ничего не хочу!

Е-мейл на рассвете

Упоротую сетку, не спеша —
пока неясно, кто кого нащупал —
распутывает ветер в камышах
и замирает, наступив на жуку.

У стрекозы алмазный стеклорез
и гордое пчело без тени страха,
зелёным боком выкатился лес —
антоновка, протёртая рубахой.

Оса координат жужжит по ком,
не прерывая функцию предела?
Когда застрянет в горле нежный «ом»,
любовьморковь печатай без пробела.

Нас, что в деревню выбрались вдвоём,
не заключёт ревнивый голубь мира.
Давай, на счастье, садик разобьём,
чтоб рвал малину дождь, идущий мимо.

Пиши твоянавек без тире —
вот монумент невинностидобрака.
Пусть думает собака в конуре:
как тесен мир, однако!

Будильник

Я не чаю в тебе, я не кофе души,
ни с какой из подруг не сличаю.
Чрезвычайные розы на окнах свежи
несмотря, что морозм не крепчает.

Догадайся, в каком механизме хитро
щиплют время голодные стрелки?
Расползлась корневая система метро
и свисает лапшой из тарелки.

Только выйти из дома окажется влом,
потому что ты очень красива.
Я – как скомканный воздух дрожу над костром,
ты – Европа из тёплого пива.

Мы зарежем будильник за слово «люблю»,
неразлучные хмели-сунели,
потому что сумели проспять во хмелю
оглушительный грохот капли.

Утро графомана

Будильник без пяти минут: проснётся дом, почешет спину,
и пальцы улиц разомнут зелёный воздух пластилина.
Цветущих веток и лучей пучки затянуты простором,
а ты большой, такой ничей, и пепельница с физраствором.

Брось в мусор бромгексин хеми. Чтоб ветчину и помидоры,
у холодильниканими защиту от ночного жора.
Довольный, как попавший в шорт, откроешь пастбище
планшета,
заметь, давно никто не жжёт в почтовых ящиках газеты.

Посмотришь письма – получил опять наследство в интернете,
от адвокатов и дробил одна лишь форточка на свете —
там, отражаясь в уютге, напротив солнечного звона
в мужской рубашке не тебе сигналил девушка с балкона.

Всё отлэ

Картонные разбухшие слова,
как их не разминай – не лягут гладко...
Натянута, но в колышках слаба
оранжевая польская палатка.

Откуда шар комарьего нытья?
Ведь я откинул полог на минутку:
газетная будёновка – в статьях,
и небо – в васильках и незабудках.

Плетёт учёный кандидат паук
над нами воздух в капельках сосновый.
Расшатывает зубы каждый звук
соединяя флексии с основой...

Любимая, вся мудрость – в шашлыке,
а счастье пахнет ландышем и водкой,
когда невмоготу – щекой к щеке,
и от щетины след на подбородке.

Ещё недолго солнцу и луне
сползать и подниматься по лекалу.
Поэтому не думай обо мне,
ошпарив губы утренним «покао».

Клара ветров

Воздушный змей, рождённый ползать,
поднялся и упал в цене —
он, исключительно для пользы,
порезал ниткой пальцы мне —
бумага на фанерных спицах,
прожжённый формалином бинт —
собрался драпать за границу,
и будет из рогатки сбит!
В надрывах и узлах оснастка —
охота на стрижей внахлёст.
Его закат вгоняет в краску,
и ветер дёргает за хвост
за то, что Карл украл у крали,
и всё неймётся мне, врулю!
Вдруг, слово за слово, искра и —
копчёный окорок в раю —
под ним струя светлей лазури,
над ним луч солнца золотой,
ансамбль ангелов «Мзиури»,
и зад попутчицы литой!

Sony в летнюю ночь

На подстаканник стрекоза присела.
А ты, май лав, её спугнуть горазда —
напоминает точку от прицела
присохшая к щеке зубная паста.

Киношный ливень Франсуа Озона
не впитывает молний стекловата.
Варенье из малинового звона
засахарилось в блюдечке заката.

Мы разложили овощи картинно —
займёмся истреблением пищи, или
вперегонки на горном серпантине
обнимемся, как два автомобиля.

Стучит в окно рассерженная ветка,
у наволочки привкус клофелина
Опять самец подкрался незаметно:
ему и невдомёк, что ты невинна.

И Юля

Катает комара в зобу под лопухом лягушка голая,
у одуванчика в саду все стрелы – опереньем в голову.
Из царства жестяных кастрюль и чашек, не хлебавших солоно,
отправился к реке июль в лаптях расклёванных подсолнухов,
с утра стрекозами мелькал, до солнца доставал проказами —
ладошкой зачерпнул малька и побежал домой показывать.
Попавший ветру под замес, люцерной окружён и донником
напоминает дальний лес зелёный лук на подоконнике:
повисли ели, как пальто, на фоне неба разогретого.
И девушка не знает, что ты долго куришь после этого,
не меньше любишь ни раза, тем паче столько света пролито,
а улыбаешься в глаза, бубнишь стихи и гладишь кролика:
всего хлопот – достать денег, жить, сторонясь вранья
и падали,
и гордо голову держать, чтоб волосы на лоб не падали.

29-е февраля

Приложишь доллар к мутному окну —
протаять в полнолуние не светит.
Припомнишь тех, кто эту вот весну
с тобой, привстав на цыпочки, не встретит.

Сам разменял Вселенную уже —
ешь аспирин, бухаешь по науке,
и от запавшей клавиши в душе
сбегают обезжиренные звуки.

Судьба, которых не уберегла,
добра ко мне и мать её Тереза.
Вот полночь нападёт из-за угла
и проведёт звездой, как стеклорезом.

Украдшему своё даётся шанс
остаться здесь, обобраным до нитки.
На ужин спиритический сеанс —
остывшая спираль электроплитки.

Любимая, с тобой семь бед в обед,
тем паче – отказали от фуршета,
меня не проведёшь, как Интернет,
и не получишь яблоком за это.

Разлука

Я опять обезвожен и бытом измотан,
согласился почти на медаль.
В миндале твоих глаз не найти горизонта —
зелена и бездонна миндаль.

Почему этой прорве чужой угождаем?
Разведённый разлукою спирт
мы давно закусили грибными дождями,
и в снегу огуречном не спим.

Потянись же навстречу разбуженной кошкой:
видишь — веет из печки золу.
и не делай обиженно пальцы картошкой
босиком на холодном полу.

Я иду гулять!

Память

Олимпийской деревни броня —
прёт комбайн. А на ферме легко
молоко попадает в меня,
если я не попал в молоко.

Зреет в воздухе неги нуга —
собирай и, в амбар, под засов.
Тянут время пустые стога —
половинки песочных часов.

Думал, в сердце всё это несу:
запах мяты и стрекот сверчков.
Верил, что зарубил на носу,
вышло — след от оправы очков.

Я иду гулять!

На улицу без шапки, с голой шеей,
калоши натянул и – был таков,
пока кипит и булькает в траншеях
малиновый кисель из облаков.

Собачий снег дымится моветонно,
разгуливает ноздри сквозняка
весёлый запах мокрого картона
и выхлопной трубы грузовика.

Вступаются грачи за честь мундира,
в подвале кошка с кем-то не в ладах,
берёза варикозной картой мира
качается на ржавых проводах,

её включают в апрельские заботы,
где почки ждут, выплёвывая клей,
когда меридианы и широты
остатки стужи выжмут из ветвей.

Намаз на хлеб

Мама, что там у нас на Тибет?
Возникает, дежурный как «здрасьте»,
вымыть руки бесплатный совет,
а в тарелке дымится борщастье.

Всё, что пахло укропом с утра
и ботвой помидорной немножко,
ждёт летальный исход – кожура
угодившая в штопор с картошки.

Рибле-крабле, опять – ни рубля:
настоящее тянет резину.
Заготовим корма корабля
и укатимся с палубы в зиму.

Окончательно сядем на мель,
открывая невольничий рынок:
Наступает за мартом форель
и сосульки летающих рыбок.

А пока, в непролазной ночи,
не болит и живётся, как проще.
Муэдзин с минарета кричит,
словно пробует бриться наощупь.

Дизель

Тучи ёрзают чёрными клочьями,
будто жгут поролон за бугром,
а у молнии хруст в позвоночнике —
долгожданный тройной перелом.

И не выбросить грома из песенки
вдоль оврага, где вербы хлестки.
Это утром – тычинки и пестики,
ближе к вечеру – сплошь лепестки.

Сколько в поле несжатого воздуха,
от ромашек слезится земля.
Как бренчите вы шайбочкой с гвоздиком,
дизеля вы мои, дизеля!

Беспокойные ночи колхозные
под селёдку вспомнить пора,
как по звёздам катались и ползали —
нашу юность трясли трактора,

слава Богу, вконец не затражали.
Злое племя оглохших тетерь
с кем поделится давними страхами
кто его пожалеет теперь?

Друзьям

И эту муку скоро перемелешь,
а не помрёшь – останешься помреж.
В авоську бросишь полбуханки зрелищ —
орловский всё равно, как ни нарежь.

Детей своих за шалости не тюкай,
хоть самого не чешут за ушком.
Однажды, подпоясавшись гадюкой,
птопаешь за солнышком пешком.

Товарищи, с утра, по магазинам,
не продирая глаз, из дома – шашь,
сбегают, словно раки из корзины,
клешней за печень гулкую держась.

У каждого есть повод подлечиться —
на кухне приготовлены давно
зелёный лук, селёдка и горчица,
а за окном прокисшее вино.

Грядущее с портрета смотрит косо,
но только настоящий патриот
закусит, огорчённо шмыгнет носом
и тут же слёзы радости утрёт.

Нас курица выклёвывает вроде.
Дружны, как рифмы, вбитые в стишок,
прощаемся, но долго не уходим
и понимаем всё, на посошок.

Своё

Нос ботинка из чёртовой кожи
чертит круг над пустой головой —
это я, будто ангел, на лонже
пролетаю в глуши цирковой,

невесом в облаках из попкорна.
Но сегодня, программкой шурша,
сам сижу, испугавшись притворно,
а под купол взлетает душа.

Бьёт прожектор, как шприц под лопатку,
воют волки оркестру назло.
Если ты в этой жизни подсадка,
кто оценит твоё ремесло?

Понимаешь, пронырлив, как стронций,
совольерник беззубых зверей —
недостаточно здешнего солнца
для зарядки твоих батарей.

Жизнь потрянёт и поставит на место
наблюдателем из-за кулис,
где ковёрный, впадающий в детство,
умирает от смеха на бис!

Пацаны

Засушенный Левиафан насущный
сгодится нам под пиво или водку.
Оставь надежды – всяк сюда идущий,
пересчитавший прутиком решётку.

На переезде пёс кусает воздух,
как самовар, захлёбываясь паром,
вокруг сплошные тернии, а звёзды
задушены коньячным перегаром.

Лопату прострелив из самопала,
зайдёшь в кино, а там сплошные «Даки».
И время пролетает, как попало,
на вырезанных лыжах из бумаги.

Мы этот мир прощупали с изнанки,
в центральный парк протискиваясь боком,
где наполняют жестяные банки
берёзы свежавырубленным соком.

В пятнадцать вёсен сладко сердцу ёкать,
воздушный поцелуй, как чай из блюдца.
Мы выросли без страха и упрёка,
и в этом смысле некуда прогнуться.

Новинка

Суть концепта: быт налажен – напрягаемся вдвойне.
Только, Петька, братцы, как же – где же «истина в вине»?
Наша улица – из пыли и скворечников мирок,
как любил её, навывлет, вороватый ветерок.
Вмажешь и – бегом за парту, сквозь дворовый переплёт,
где пощёчины асфальту клён опавший раздаёт.
Где ты, гастроном «Новинка» – карамельки на развес.
Умерла мерлин-блондинка, кончился марк каберне-с.
На скамейке те же мухи, мхом убитая земля.
Некому горланить: шухер! И не надо, ву а ля.

Невыносимая лёгкость бытия

Горят каштановые свечи,
выигрывает солнце в го.
Тебе несут стекло навстречу,
а ты проходишь сквозь него.

Грозит с небес стальная Кали...
Ты, только с радуги сбежал,
пьёшь воду мелкими глотками
из шланга, бьющего в пожар.

Игра в бутылочку из горла,
шестнадцать вёсен — заодно:
любви все возрасты покорны —
последний ряд твоё кино!

Сизиф

Пропах мороз, как сахар кусковой,
дымком костра и нафталином. Сердце
сдавило ностальгической тоской,
и никуда от детства мне не деться.

Идти гулять – что может быть важней?
Ослепло солнце утром над Казанью.
С обрыва по разбуженной лыжне
летишь в овраг с закрытыми глазами.

Пусть веки за ресницы держит страх,
сугроб кроватью панцирной прогнулся,
когда, не удержавшись на ногах,
вокруг весь мир, шутя, перевернулся.

Спасибо, не разбился человек.
Наверное, пол века будет скоро —
из валенок вытряхиваю снег
и не могу вскарабкаться на гору.

Анестезия

Пусть щиколотки ломит от коньков,
и старшеклассник лупит под коленки —
ничто не остановит нас, мальков,
девчонок зажимать на переменке.

Отцов своих ошибки повторим:
в стакане, как фарфоровая глина,
осел безалкогольный «поморин»,
грузинский чай – ни капли никотина.

Вокруг разводят шашни ништяки,
похмельем позже время озадачит.
Нас будущее приняло в штыки
и ничего, поэтому не значит.

Сладкие сны

Августовское «гитлер капут» —
похотливые липы текут.
Кто отыщется в свежей капусте?
Аистёнок, сопливый слизняк —
тяпка рубит наперекосяк
кочерыжку, запутавшись в хрусте.
Остывает утюг сентября,
на коротком шнуре серебра —
вороха перегладил иллюзий.
Там, где месяц цветёт двоерог,
изо рта выпуская парок
расползаются тучи на пузе.
Эту схему собрал идиот,
втихаря, за диодом диод —
зарядил и замкнул без опаски.
Ты же, мама, меня не буди,
осторожней за плугом иди
гэдээровской детской коляски.

Небо вокруг

Двигались по солнечному кругу:
разрывные цепи, хоровод.
Штандр-штандр, где моя подруга?
Гуси-гуси, лапчатый народ.
Помнишь в небесах разводы мела?
Каждый на рассвете – новосёл.
Целоваться в губы не хотела —
просто не умела, вот и всё.
Как же – заграбастал первый встречный,
обещал – всё будет хорошо.
Помнишь, май просыпал нам на плечи
сумерки, как мятный порошок?
Покупали марочные вина,
клеили конверты языком.
Вечности замедленная мина
тикала у мыса Меганом —
мы, над ней ступая осторожно,
в этой бездне видели с моста:
Ференц Лист, расправив подорожник,
зачитался музыкой с листа.

Школьный салют

Куранты бьют – запущен двигатель,
шипит шампанского гадюка.
Включаю саунд долби дигитал —
в системе долбанной ни звука.
А за стеной соседской музыка,
там ржут уже и режут мясо,
напряжены бананов мускулы,
и бьёт фонтан из ананаса.
Что ж, выпьем и пойдём на лоджию
курить без аккомпанеента,
смотреть какой, с огнями сложными,
салют затеяли студенты.
По небу, будто мысли шизика —
разряды пробегают с треском —
Опять огонь разводит физика,
а лирика к нему – довеском.
Я ослеплён китайской магией —
но мне случалось, без примерки,
из смеси калия и магния
лепить для школы фейерверки.
Сортир расшатывая рокотом,
рвались пустышки от сифона,
в тот день, когда делиться опытом
начальство ждали из Районо.
Педагогическая мафия,
пузато выкатясь из «Волги»,
хлеб-соль из взорванного кафеля
сперва разглядывала долго.
А что касается зачинщика
салютовавшего так смачно —
гриппует дома под горчичиком,
режим постельный, однозначно.

Я люблю тебя, жизнь

Из бутылки накапав полвека,
я когда-нибудь буду таков —
на Луне ни следа человека,
только лунки от волчьих клыков.
Солнце жжёт сквозь контактные линзы,
задирают пожарники жечь —
всё равно осмотрюсь с оптимизмом,
потому что диоптрий не счесть.
На планете, надкушенной с краю,
я, отныне во веки зрачков,
эту жизнь без любви выбираю —
отнимаю у тех дурачков.
Потому что про глупости эти
Марк Бернес, на прощание, спел —
подходящую девушку встретил,
телефончик спросить не успел.

Несварение мира

Создан мир из картонных коробок,
где и ты паковаться изволь —
выдающийся, как подбородок,
упоительный, как алкоголь.

Набирая цвета понемногу,
за тобой подтянулись след в след —
куст сирени, на босую ногу,
и, на скорую руку, рассвет.

Как часы, переводишь дыхание
над блуждающим нервом свечи.
Смерч, такая пружина в диване,
нагибай – и до неба скачи,

но объём не вмещается в плоскость,
значит, снова система крива.
Зеленеет берёза от злости
и качает права-мурава.

Почему, как расстёгнут ошейник,
контролёру на всё наплевать —
отвечающий за освещение,
бросил свечку и лезет в кровать?

Выбирая другую основу,
на потеху друзьям-босякам,
надеваешь свой фартук фартовый
в день, когда пал последний секам.

Пивнуха на Каляевке 1980-й

Черёмуха шипит в стеклянной кружке,
ладонью липкой шлёпает об стол.
Мелькая над плетёной завитушкой,
изображает вобла волейбол,

но, поймана за хвост, под ногтем грубым
зафыркала разбрызгав чешую.
И самонаводящиеся зубы
запущены, и я уже жую.

Не требует прописки папироска,
любовь-морковь, вчерашний недосып.
В курилке, за углом, студенты просто
тягаются, кто выше всех поссыт,

без очереди лезут кровожадно
и счастливы всего-то, дураки —
никто не тычет вилкой им под жабры,
не отрывает, с хрустом, плавники.

Москва

Мне двадцать лет. Застава Ильича.
Московский отвратительный рассвет.
Спидола напевает ча-ча-ча,
а у меня такой игрушки нет.

Я соблюдаю вынужденный пост.
Литинститут. Долги. Снежинок хруст.
А у Москвы на всё найдётся гост,
Как будто создавал её Прокруст.

В носках дырявых прячешься в гостях
За кресло, за диванчик – запахло
иметь избыток кальция в костях,
а воспарить, как будто нлю.

Когда же все расселись по местам,
Я понял, осенив себя крестом,
Что я – щенок дворовый без хвоста.
И не жалею, в общем-то, о том.

Мораль

Вот будущего классика тетрадки,
святой воды ему не пить с лица:
Герасим-сим не топит му-мулатку
Мазай-за-зайцами плыть ленится.
Не у него ли в рубище колодца
в жару темно от звёзд наверняка?
Неве, чтоб уползти туда придётся
разжать мосты, как челюсти жука.
В его столбцах проклюнутся ли всходы
колючей проволоки из семян?
Пора, выходит прошлое из моды,
и фантик благодатью осиян.
А ты рискни надменно отмолчаться,
когда всё на планете этой влом,
клонируй стволовые клетки счастья,
но будь поаккуратней со стволом.

Песня Сольвейг

Прогулял каникулы опять я —
потому, трамваями трендя,
город заключил меня в объятия
за попытку ветра и дождя.
От портвейна сумерек осипнув,
изучаю осени архив,
где листья желтеющей осины
на плечах товарищей бухих.
Облетая сам, листаю вести
будущих и прошлых непогод.
Усижу ли умником на месте,
если время ходит взад-вперёд,
гулом водосточного прибоя
за пределы разума маня,
если, как проклятье родовое,
песня Сольвейг мучает меня?

Тишина

Море в берег торкалось всю ночь —
не пустили и послали прочь,
Только дым валил из саксофона
будто джаз, как опий подождён.
Пролетела брошенным ножом
обоюдоострая ворона.
Я же погружался в тишину,
будто шёл по шёлковому дну,
до тех пор, пока раздался ветер.
Через вату памяти трубя
раковина слушала тебя —
или поворачивался вертел.
Не согласишься — будет всё ништяк.
Скрюченными пальцами дождя
схвачен под уздцы лежащий камень.
Отвечай вопросом на вопрос:
медный всадник или купорос?
Твой костёр опять развёл руками.
Спотыкаясь, чайка воду бьёт
точно в отражение своё.
Ты же вновь изрыщешься по следу.
Попадёшь из этого всего
прямо бесконечности в седло —
знак бессмертия велосипеда.

Отражение

Лейся, песня, над простором
прямо в лодку рыбака:
мотылёк летит, с пробормом,
раздвигая облака,
рассекреченный, как атом,
неустойчив, словно ген —
весь пропитан консервантом,
и практически нетлен.
Это он с гуденьем низким
движется наискосок,
будто виолончелистка
пилит фугу между ног.
Принимай, вода литая —
выгребаешь неспеша,
а подмышку залетает
отражение стрижа!
На песок горячий пузом —
бац, в прыжке — и над рекой,
к запотевшему арбузу
приморозишься щекой.

Когда

Когда мы были молодыми —
ловили кайф в шашлычном дыме,
укрывшись майскими садами
нарыли нор от дамы к даме.
Прощались на закате мая,
по два часа не вынимая.
Потом, одни, впадая в кому,
шли, под конвоем, к военному.
Там, расставаясь с Лёвкой, Севкой,
как тормоза, визжали девки.

Другие, испугавшись врак
про армию, и всё такое,
попасть пытались на филфак,
им биография героя
морфлота или ВВС
не представляла интерес.

Когда мы были, как стальные
другие были стариками.
Теперь – Харуки Мураками,
Пелевин, Я... и остальные.

Омик

Там, где не мычат стога двурогие,
на верёвках телится бельё —
соловей кошачьей лапой трогает
сердце непутёвое моё.
И, пугая рыб гудками долгими,
ищет пристань пьяный теплоход,
где пестрит фальшивыми наколками
знаков зодиака небосвод.
Ветра нет, он только приближается,
намотав усищи на кулак.
Мой костёр, как зуб больной шатается —
и во тьму не выпадет никак.
Околдован птичьими уловками,
на пустом кораблике опять
уплыву со всеми остановками
дорогих и близких догонять.

ОПТИМИЗМ

От понтовой юности прививка —
обещал любить, и был таков...
Быстро ты к слоновнику привыкла —
бьёшь посуду шорохом шагов —
в этой тесноте твоя вина ли,
слышишь, укорачивая даль,
ветер хриплым хоботом сигналил,
птицу нажимая, как педаль,
запускает пальцы в космы грома.
Если стоя бодрствуешь и спишь —
не приснится рокот космодрома,
а слюну пускающая мышь —
у слона в подошве для забавы.
Вот и ты, на цырлах сквозняка,
за улыбку держишься зубами
чтобы устоять наверняка.

Игра в кости

Осень сдохнуть с голода не даёт,
украшая клюквой салат столицы.
В горле неба булькает вертолёт —
да и мне пора уже приземлиться.

А Москва опять целится с носка,
растлеивает листья и верных женщин —
сколько было их, сосчитай до ста,
всё равно получится вдвое меньше.

Хоть в уме случайный объект нагни,
невозможность счастья – как раз разлука.
Тень летит на крышу из-под ноги,
где всюду зияет луна без люка.

Партитуру мнёт голубей возня,
старый лифт гремит, как ведро в колодце.
Через две ступеньки спешишь зазря —
нотный стан в подъезд тишиной крадётся.

Дорогую скрипочку не буди —
там плюются свечи и запах лака...
И такая музыка впереди,
что болит живот, и скулит собака.

Возникновение

Ты не успел во все детали
войти, покамест, стрекоча,
тебя из бездны доставали
щипцы похмельного врача.

Небытиё глотком перцовки
жгло дёсны и кривило рот,
но жизнь, измазав марганцовкой,
тебя включила в оборот:

без умолку страдали рядом
соратники грядущих игр —
ты в их обойму лёг снарядом,
пелёнкой стянутый в калибр.

Помалкивал и пялил очи
в проём больничного окна,
а там, по трубам водосточным
пускала пузыри весна.

И, уподоблен майской почке,
с нахрапом клейкого листка,
ты так рванул из оболочки,
что не очухался пока

пришёл к величине искомой,
закутавшись в дырявый плед:
все звуки жизни — рокот грома,
и молния — всей жизни свет.

Песочная баллада

Песочница, а раньше был мой дом,
где я, в бреду черемуховых веток,
походкой молодого Бельмондо
соседских очаровывал нимфеток.
Был теремок не низок ни высок,
но – дыбом стол, и гости непрестанно.
Теперь повсюду сыплется песок,
и жизнь груба, как кожа чемодана.
Всему – труба походная, пока
ворочает не выпавшийся ветер
слежавшиеся в небе облака,
как мойву в замороженном брикете.
Цыганский откудахтал леденец,
двадцатый век, позволь, пока не поздно,
тебя вдохнуть, как жемчуга ловец
с запасом набирает свежий воздух.
Там память рефлексировала давно,
почти – собака Павлова с пробиркой.
Но, если жизнь рифмуется с кино,
то в каждом кадре праздничная стирка.

Урок нежности

Я думал так: вот груша спелая,
счастливей нет меня ребёнка,
когда всё было черно-белое
на однобокой киноплёнке.
Меня тогда манила чем-то
поляна за соседской дачей —
а там, в спортлагере, студенты
под вечер шнуровали мячик.
Великовозрастные мальчики,
волейболисты, дули пиво
покамест бегал я за мячиком,
упавшим в заросли крапивы.
И, загорелые, как дервиши,
бутылки, с вывертом, бросали —
им аплодировали девушки
с распущенными волосами.
Меня почти не замечали,
но было, в общем, всё в порядке —
какую свежесть излучали
они, транзистор у палатки.
Но самая одна, красивая,
на той площадке волейбольной,
поймала за руку, спросила:
малыш, тебе не очень больно?
Приблизила глаза зелёные,
ладонь лизнула остороженько,
и волдыри, слюной краплёные,
забинтовала подорожником.
... что, знают выросшие дети —
зашиито в память поределую.
Она одна осталась в цвете,
всё остальное — черно-белое.

Склероз

Срываешься из дома поутру,
на цырлах, только хрустнет половица —
шагнёшь опять, пора остановиться.
Далёко ль ты?. Напиться — я совру.
И — через двор, мгновенным воробьём
за удочкой, червями в ржавой банке,
с Федорина бугра к реке Казанке
по склону с другом катимся вдвоём.
С воды туман, как скорлупу с яйца
варёного сковыривает ветер.
На дебаркадер сторож дядя Петя
пускает нас, со шрамом в пол-лица.
Сам зыбкой шарит утренних ершей.
Уколется — и мать твою малина —
Шаляпин басом здесь и в половину
распевшись не давал таких мощей.
Вдоль побережья — ропот мужиков:
опять орёт, всю рыбу распугает.
А реку изнутри голавль лягает,
сорожка морщит гладь у берегов.
Завёлся катер где-то, и волна
пошла чесать разбуженный камышник.
Застыл приятель с удочкой подмышкой.
Ударил гимн, заёрзала страна
и на зарядку вышла на траву.
А что потом, запомнить поленился —
закончил школу, институт, женился.
И до сих пор, наверное, живу?

38 попугаев

Грядущее наступит и отпрянет,
как только дополнительный наркоз
введут хирургу. Даже лысый пряник
боится нападения волос,

свистящих ножниц, бегства из полона,
глядит в окно, где в сумерках остро
искрятся непечатные вороны,
как пепел от газеты над костром —

в груди его – простуженно и гулко,
на дне бутылки – «дома перельём»,
а дома зашнурованная булка,
распущенный из кубика бульон,

одна надежда в кухоньке, нагая,
где лампочка сгорает со стыда,
что мене текел фарес в расстегаях —
сочтём и взвесим раз и навсегда.

Переходный возраст

Воды оловянной хлебнёшь из пилотки,
хрустящую лужу ударишь винтом.
Весной примеряешься к каждой красотке —
не то? Оставляешь её на потом...

Хохочется Вере и надобно Наде —
на лавочке в сквере ладонь козырьком.
С шампанским бокал на включённом айпаде —
рентгеновский снимок его пузырьков.

Прикуришь свистульку, съешь ягодку с торта —
порезы души заживут без забот:
жужжит, отжимаясь с прихлопом, моторка —
на гребне волны, что втянула живот.

Спасение от соловьиного сленга
не светит горящим в саду, а пока
ползёт вертолётная лесенка с неба,
как липкая ниточка из паука:

заденешь – проснёшься во времени оном,
чужим языком за щекой мармелад.
Посветишь в потёмках души телефоном:
не то, на потом, и полезешь назад.

А запах такой, будто свечка погасла,
на шее болтается вырванный зуб,
в воде пионерские кубики масла,
печенье «Весна» и какао в тазу.

Черёмуха

Мы вытоптали ров у этой стенки,
пора жениться, сочинять нетленки.
Вот зацвела черёмуха-ха-ха,
ипритом заползает в потроха.
Вот пенится сирень активным хлором
в руках студента тощего с пробором,
удушенного в половецкой пляске
подругой, имитирующей ласки.
Не стоит разбираться в этой схеме,
пока тебя петух не клюнул в темя.
Ударил первый ливень, зол и вязок,
грозит ли плясуну растяжка связок?
Увяз в грязи с утра – что за видок?
Мон Депардье, неуязвим Видок.
Черёмуха, в кистях невкусных с детства
жил терпкий яд французского кокетства.
Из трубки пущен, впитывался в лоб
разбитых ягод медленный сироп.
Теперь быть некрасиво плодовитым
отравленному, и притом, ипритом.

Примечание. Черёмуха – также сильный слезоточивый газ.

Добрые сказки

Чего-то очень жаль, и не понять нисколько —
как мозг ноотропилом ни глуши —
Хоттабыча уж нет, но есть покой и Волька,
и камеры слежения кувшин.
Опять Али-Баба уволен из театра —
какой щенок крестом пометил дверь?
Ну а Сим-сим «вапще» блокирует сим-карту —
никак не отпирается теперь.
Котовский к Маршаку навевался в злости,
такого даже дети не смутят —
спалил господский дом, чтоб не хамили гости,
и превратил племянников в котят!
Откосы парусов стрижи берут в кавычки —
кромешный штиль, закончилась ничьей
жизнь наперегонки, где флагманские спички
поштучно канут в мартовском ручье.
Дощатые «толчки», наклейки на гитаре,
зашарканные чешки и трико —
как нас любили те, кто в треугольной таре
за вредность получали молоко!
Мне сказочно везло на мелкие обиды.
Чтоб ощутить былую благодать
попробую горелый пирожок с повидлом —
с какого края слаще угадать.

Ночная музыка

Транзистор ночи августовской —
материй тонких проводник,
Слезой отмучившейся Тоски
в твоё сознание проник:

Над небоскрёбами Башкирии,
над вещей птицей Хоррият,
Занявшись пламенем, Валькирии
в объятья Вагнера летят.

Им вслед вздыхая, наши девицы
рискуют плавать нагишом
под экскаваторным ковшом
рассерженной Большой медведицы.

А ты, в предчувствии зари,
сбежав с обрыва Шелангинского,
ну порисуйся, покури
отраву музыки Стравинского.

АО

Когда ещё мы строили каналы
и улыбался русскому казах,
мне вышивала мать инициалы
на майках пионерских и трусах.
Июньский мир вокруг глаза таращил —
нас повезли клубнику собирать.
А мама всё: бельё стирай почаще,
меняй, и постарайся не терять.
Пугающее: Осторожно, дети! —
табличка у шофёра за стеклом.
Наверное, учился в классе третьем,
четвёртом, пятом — эх, облом-облом —
я память просвистел наполовину.
Соратники, узнаю ли кого?
Но помню, как впивалась майка в спину,
верней две буквы — вышивка АО.
Работа до обеда и... купаться.
Захочется — за рыжиками в лес,
в котором невозможно потеряться —
отыщет спутник, всё-таки, прогресс.
А если солнце спрячется за ветки,
наверняка спасут, хоть сам с усам,
надёжный компас, крохотная метка —
две букочки, пришитые к трусам.
...ау! Прощай волшебная записка.
Проходит жизнь, толкаясь и грубя.
Народ — дурак, законы пишет прачка.
И никому нет дела до тебя.

Бескозырка

Я вышел из детства, в чём был, ты меня не рожала —
я выскользнул искрой в трубу из ночного пожара.
Гудящее пламя казанских проулков и скверов
вылизывало, будто сука, нас – сирых и серых.

Я вышел за квасом с бидоном в июльское утро
во двор, где на лавках – портвейн, а в кустах – Камасутра.
Где пеной пивной поднялись тополиные кроны
и старый фокстрот подавился иглой патефона.

Я вышел в открытый киоск с сигаретами «Космос»
где люк на асфальте и глюк состыкованы косо,
где шишел и мышел, копейки сшибающий хроник,
где, Дороти, твой сволочей убивающий домик.

Там вечный ремонт и о стены шершавые гулко
котом загулявшим скребётся монтажная люлька.
Дворовый Шумахер с руками в порезах и цыпках
играет джаз-рок на горячей трубе мотоцикла.

Невольники чести, сражались в оврагах, как психи —
разменные карты «козла», «петуха» и «зассыхи».
Я вышел из детства, а был запечатан в колоде —
трясу рукавом, только козыри кончились вроде...

Призыв

Не наступает... пает осень.
Ну как же, вот она... она
маячит солнцем у окна,
веснушками под август «косит».

А я из армии бегу
на свист зеленоглазой нимфы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.